

Нравственный уклад современного российского гражданского общества

Долина И. О.

*Долина Илья Олегович / Dolina Ilya Olegovich – аспирант,
кафедра административного и финансового права, юридический факультет,
Кубанский государственный аграрный университет,
помощник судьи
Краснодарский краевой суд, г. Краснодар*

Аннотация: автор исследует проблему нравственного порядка в современной России, выявляя тенденцию его развития.

Abstract: the author investigates the problem of the moral order in contemporary Russia and marks out the trend of its development.

Ключевые слова: нравственность, мораль, нравственный уклад, сознание, самосознание.

Keywords: the morals, morality, moral order, consciousness, self-consciousness.

При изучении взгляда современной российской общеправовой теории на соотношение права и нравственности обращает на себя внимание, прежде всего, отсутствие какого бы то ни было анализа нравственной ситуации, сложившейся в нашем обществе. А между тем, по мнению автора, понимание действительного характера соотношения права и нравственности невозможно без прояснения нравственного порядка, в котором действует отечественное право. Ибо определённости объективно сущего в данном обществе нравственного строя «задаёт» не только характер действующего здесь правопорядка, но и теоретических представлений о праве и его соотношении с нравственностью. Это выяснение нравственного контекста действующего российского права и является задачей настоящей статьи.

В самом общем виде «направление» нравственного движения нашего общества – начиная с 30-х гг. XX века и до настоящего времени – может быть обозначено следующим образом. Это развитие, отправляющееся от субстанциальной нравственности и – через постепенно углубляющееся противостояние ей внутренней свободы субъекта, формирующего себя в её границах, – приводящее к доминированию точки зрения субъективной свободы, формальной образованности.

В самом деле, наиважнейшим результатом тех кардинальных перемен в жизни нашей страны, которые произошли после 1917 г., стало формирование того нравственного уклада, который можно назвать субстанциальной или объективной (наивной) нравственностью. В 30 – 50-е годы прошлого столетия этот нравственный порядок был определяющим фактором всей общественно-политической жизни советской державы [1, с. 20].

Характеризуя его, следует сразу же отметить, что в указанную эпоху личная особенность человека, его индивидуальное своеобразие были вполне определённо подчинены всеобщей цели государственной жизни. Индивидуум обретал понимание своей значимости (ибо вряд ли здесь можно говорить о достоинстве в подлинном смысле этого понятия) лишь в осознании того, что он живёт, работает, стремится к чему-то и наслаждается чем-либо, прежде всего, ради своего государства, своей страны. Иначе говоря, единичный советский человек имел своей существенной целью поддержание и упрочение этого всеобщего единства государственной жизни, каковое непосредственно, т. е. без предшествующей моральной рефлексии индивидуума, составляло содержание его нравственного устроения.

Таким образом, нравственный советский человек был таковым не вследствие свободного самоопределения его субъективной воли, ибо быть нравственным составляло качественную сердцевину его характера, а всеобщее благо выступало в нём как его собственный движущий пафос. Именно он лежал в основании колоссальных трудовых и культурных свершений страны. Но на него же опиралась и массовая государственная репрессия. И именно на формирование и укрепление этого пафоса в человеке была направлена вся продуманная советская система воспитания и образования.

Из сказанного следует, что добро существовало для советского человека как уже имеющееся налицо, фактически данное всеобщее. Оно, стало быть, не имело формы действительного убеждения индивидуума, свободно выработанного им самим в его автономном самосознании. Добро выступало как предзаданное человеку абсолютное содержание действовавших государственных законов, существовавших общественных нравов, функционировавшего государственного строя и господствовавшей государственной идеологии, определявшей собою всё это. Для советского человека эти законы, нравы, учреждения и устои государства были святы, поскольку не подвергались им критическому исследованию, а, напротив, представляли собой то последнее неререфлектируемое

основание, на которое непосредственно опиралось единичное нравственное сознание, из наивной веры и простого уважения к которому оно исходило в своём убеждении и действовании.

Итак, по крайней мере, в течение указанного выше периода времени нравственный уклад советского общества имел, в общем, характер субстанциальности. Хотя и устанавливался он в качестве квазибожественного, т.е. в форме нерассуждающей веры в идеологическую непогрешимость «единственно верного» марксистско-ленинского учения, «всесилие» которого, впрочем, было обеспечено жёстким принуждением и всемерным контролем государства. Так что субстанциальность как качество отношения индивидов к нравственности составляет основополагающее определение начального советского нравственного порядка [2].

В этой связи важно подчеркнуть, что всеобщее нравственное единство не представляет собой лишь исторически необходимого и потому безвозвратно минувшего состояния известного общества, но, безусловно, является необходимым духовным принципом, без реализации которого не может претендовать на разумность и, стало быть, действительность ни одно государство.

Поэтому неудивительно, что советская общественно-политическая система с её целенаправленно и последовательно поддерживаемым объективно-нравственным укладом, в котором воля единичной личности не имела для себя особенного содержания, противостоящего всеобщей нравственной основе, представляла собой несокрушимое действительное единство (по крайней мере, в течение известного исторического периода). Именно это субстанциальное нравственное единство позволило народам СССР осуществить коллективизацию и индустриализацию, выстоять и одержать победу в Великой Отечественной войне, поднять страну из руин, совершить исторический прорыв в космос, создать великие произведения искусства, достичь впечатляющих успехов в деле народного образования и здравоохранения, в сфере научного познания и в спорте. И оно же помогло советскому государству обрести на определённом историческом этапе глобальную военно-политическую гегемонию (в качестве лидера стран «социалистического лагеря» и одной из двух «сверхдержав») [3].

Однако всеобщее нравственное единство обретает свою разумную действительность и подлинную жизнь лишь постольку, поскольку оно не предохраняет себя от свободы единичного сознания, но, напротив, «размыкает» себя в нём, составляя тем самым не только субстанциальное бытие индивидуума, но и содержание его сознательной жизни. Как единичная воля, «отложившаяся» от всеобщего, обессиливает и ислевает в себе, так и всеобщие обычаи, нравы, учреждения, законы и верования, отвергающие субъективную свободу индивидуума, не в состоянии противостоять последней. Поэтому столь же безусловно необходим и другой момент живого нравственного целого, противостоящий субстанциальному отношению индивидуума к нравственности. Им, как нетрудно догадаться, является субъективный произвол единичной воли, личная свобода обособляющегося в себе и для себя индивидуума, известная как моральное воззрение. Последнее необходимо предполагает у субъекта морального поступка наличие знания того, что есть единое, всеобщее добро, и, следовательно, требует от субъекта свободной рефлексии, из него самой определяющей, что есть добро и зло. И, кроме этого, достоинство морального индивидуума требует от него внутреннего намерения, принятого его волей решения реализовать, совершить добро.

Таким образом, подлинно разумный нравственный порядок общественно-политической жизни требует соответствия, гармонизации безусловного права нравственного единства на осуществление всеобщего блага и противного ему бесконечного права морального субъекта на свободное усмотрение и осуществление добра. Ибо право каждого момента – абсолютно, необходимость – безусловна, а жизнь – всеобща. Но в какой мере были примирены указанные начала в начальном советском нравственном укладе?

Бесспорно, моральное воззрение присутствовало в советской системе нравственности: отчасти в виде общего для индивидуумов стремления к личному счастью, отчасти же в качестве более строгой этики долга (преимущественно в её советской версии). Однако эта система лишь допускала, до известной степени терпела моральную точку зрения. Ибо в ней частные интересы и цели, личные мнения и убеждения, индивидуальные чувства и склонности, словом, вообще особенное своеобразие индивидуума длительное время (если не на протяжении всего её существования) рассматривалось как нечто несущественное, случайное по отношению к безусловной необходимости всеобщей государственной воли. Непрерывность осуществления последней не смела нарушить – своими произвольными намерениями и действиями (пусть даже только своим необычным внешним видом и отличающейся от общеустановленной манерой поведения) – никакая единичная воля [4].

Так как личное своеобразие человека занимало столь низкое место, то индивидуум не мог получить подлинно свободного развития и выявления своих способностей. Причём не только индивидуальность была лишена возможности осуществлять свои особенные устремления в полном объёме. Личная свобода была «поражена» в своих фундаментальных всеобщих правах (от права частной собственности до

свободы совести, творчества и научного исследования). Поэтому она не была приведена в согласие с всеобщей целью государства.

Таким образом, всеобщее нравственное единство носило в советском государстве односторонний и потому неистинный характер. Так что принцип субъективной свободы (являющийся столь же существенным для подлинной нравственности), не включённый в государство и, значит, не сделанный законным, нравственным (сначала – моральным) выступал и рассматривался там как порок, как порча существовавших добрых нравов, подрыв идеологических основ государственного строя, словом, как разрушение объективного нравственного единства общества и государства. Отметим, что первым симптомом этого исподволь наступившего повреждения нравов явилась ирония, получившая в 60-е гг. прошлого века заметное распространение в советской общественной жизни и в искусстве.

Несомненно, в разные периоды существования СССР это упразднение абсолютного права субъективности имело неодинаковую степень (равно как и формы борьбы государства с этим правом не оставались неизменными). Но столь же несомненно и то, что именно эта субстанциальная нравственность, отторгавшая бесконечное право субъективной свободы, стала препятствием в развитии советского общества, причиной его упадка и гибели. Поэтому можно сказать, что советский общественно-политический строй пал не в результате внешнего воздействия неких враждебных сил (каковые, разумеется, существовали и без дела не сидели). Он с необходимостью ослабевал и разрушал себя в ходе перманентной борьбы с принципом свободы личности, став, в конце концов, жертвой развития внутреннего нравственного антагонизма [5, с. 70-77].

Стоит заметить, что в течение весьма непродолжительного периода времени (середина 80-х гг. XX в.) советский нравственный уклад достиг пика своей жизненности – некоего шаткого равновесия самосознания индивида и всеобщей нравственности. Казалось, что единичная субъективность обрела, наконец, ту форму, в которой её особенная индивидуальность стала свободной для себя. Однако довольно быстро она «отложила» от нравственного единства, упразднив непосредственную значимость существовавших нравов, законов, институтов, идеологий и религий и противопоставив им себя как самосознание, принимающее решения, опираясь только на внутреннюю уверенность в себе самом.

Поэтому в настоящее время господствующей у нас точкой зрения уже не является простая (объективная) нравственность, основанная на непосредственном отношении человека (его изначальной уверенности, наивном доверии) к принятым в нашем обществе и государстве религиям, нравам, законам и учреждениям как к существующему добру. Современный российский индивидуум уже не просто живёт согласно заданным предписаниям религий и нравов своих народов, законов своего государства, не рассуждая о них, не делая содержание своей религии, своих нравов и законов предметом для себя, объектом рефлексии своего сознания. Напротив, сейчас утвердилось и доминирует моральное воззрение, точка зрения свободно определяющей себя субъективности, согласно которой только собственное усмотрение, внутреннее убеждение обязывает человека признавать какое-либо содержание [6, с. 13, 64-71].

Разумеется, первейшим последствием этого необходимого нравственного переворота, великого возвращения сознания в самоё себя, явилось то, что жизненность этой своеобразной свободной для себя индивидуальности перехлестнула через край и вступила в противоречие с субстанциальным содержанием отечественных нравов, традиций, законов, верований, разумным содержанием государственного устройства, в каковом антагонизме она до сих пор и находится. Как и во второй половине XIX в., нашими людьми овладела воистину «карамазовская», «пренеприличнейшая» жажда жизни, каковая, естественно, в настоящее время отнюдь не изжита. Поэтому современный российский человек (следуя в этом древним софистам) считает, что добро (красота, истина, закон) не составляет содержания блага как всеобщей цели, так что последней вовсе нет [7, с. 4, 5]. Отсюда следует, что единичному индивидууму надлежит довольствоваться той или иной особенной целью (ограниченным благом), установление которой предоставлено его произвольному выбору, определяемому – в конечном счёте – его индивидуальными чувственными склонностями, вожделениями и страстями, своеобразными потребностями, партикулярными интересами и целями.

Таким образом, масштабом того, что должно быть признано человеком, теперь выступает своеобразие единичного субъекта, его собственное убеждение в том виде, в каком каждый формирует его в своей особенной субъективности. Предельным основанием последней выступает непосредственная данность и достоверность сознания для себя самого. Эта форма внутреннего убеждения субъекта составляет отличительный признак нашего времени. Она пронизывает собой всю нашу общественную жизнь, включая культуру и образование, выступает тем принципом, который предполагается в качестве основания научных исследований [8].

Лишь с недавних пор эта субъективная свободная личность, бросившаяся практически осуществлять, так сказать, либерализм «без берегов», стала постепенно осознавать утрату своего субстанциального содержания. Понимая, что возврат к абстрактно-всеобщему единству невозможен, она пытается найти

выход на пути обсуждения вопроса о наилучшей организации общественной и государственной жизни и осуществления практических мер в этом направлении. Значение же вопроса о воспитании действительно свободной индивидуальности, как нам представляется, до сих пор в полной мере не осознаётся [9].

Но именно воспитание (по сути же, самовоспитание) действительно, субстанциального, а не только формально свободного (произвольного) самосознания является в наши дни безусловной потребностью, в равной степени необходимой как для индивидуума, так и для общества и государства. Сутью этого процесса, на наш взгляд, является переход современного российского морального сознания от точки зрения софистики к позиции Сократа и Платона, а именно, свободному формированию индивидуумами убеждения в том, что добро (истина, красота, закон) есть такая финальная цель, благо, только познавая которое и реализуя его в своих поступках с безусловной необходимостью (т. е. без так называемого выбора) единичная личность осуществляет своё всеобщее – разумное и нравственное, и, стало быть, истинное – предназначение.

Литература

1. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. 20 с.
2. *Нерсесянц В. С.* Философия права. Учебник для вузов. М., 1997.
3. *Графский В. Г.* Право и мораль в истории: Проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8.
4. Теория государства и права: Учебник / Под. ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2004.
5. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» по теме «О понимании советского права» // Советское государство и право, 1979. № 7. 70-77 с.
6. *Мартышин О. В.* Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. 13 с.;
7. *Мартышин О. В.* Метафизические концепции права // Государство и право, 2007. № 2. 64-71 с.
8. *Цыбулевская О. И.* Нравственные основания современного российского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004. 4, 5 с.
9. *Шитов А. Н.* Моральные основания права. М, 1996.
10. *Четвернин В. А.* Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. Выпуск 1. М., 2007.